

(ПП: Образно полный хаос, руины, конец прежнего порядка, так же полный провал, неудача, крах (часто из-за жадности или неверных действий), всё пошло прахом.)

Несколько дней они продавали чанфэнь с яйцом, и даже тем, кто очень любил это блюдо, оно понемногу начинало приедаться: выбор был слишком мал. Если в первый ярмарочный день они заработали больше шестисот вэней, то в следующие дни продавали уже примерно на четыреста вэней.

Впрочем, Чжоу Сяолэ постепенно привыкал к нынешней жизни: до рассвета поливал огород, ходил на Мацяньпо собирать дикую зелень, утром ставил лоток и продавал чанфэнь, а после полудня возвращался домой и под шум дождя учился у Чжоу Чуся шитью.

Когда дни становились занятыми, привыкнуть к этой эпохе получалось быстрее. Иногда Чжоу Сяолэ всё же думал: почему именно он попал в это время? Привыкнув к удобствам современного мира, он вдруг оказался в такой бедности - как тут смириться?

Но даже если не смириться, изменить ничего было нельзя. Тоску и бессилие некуда было выплеснуть, и ему оставалось только уговаривать себя смотреть на всё шире: в конце концов, он ни за что ни про что получил ещё одну жизнь. Небо обошлось с ним неплохо, даже как с родным сыном; ведь не каждый получает возможность начать заново. Если жизнь нельзя изменить, значит, надо изменить собственный настрой.

В эти несколько дней после полудня всегда проходил дождь: сильный, но короткий. Сейчас лило как раз сильнее всего. Чжоу Сяолэ подтянул маленькую скамейку, сел под карнизом, прислонился спиной к стене, смотрел на ливень и размышлял о новых чанфэнь.

Несколько дней назад он пообещал гостям выпустить новый вид чанфэнь, но всё ещё не мог решить: сделать чанфэнь с мясом, чанфэнь в плоской корзине или добавить сразу оба варианта.

Бум! Белая вспышка прорезала небо, и следом ударил гром.

Погружённый в мысли Чжоу Сяолэ вздрогнул от неожиданности. Он поднял голову, посмотрел на яростный ветер и ливень и тут же принял решение.

Дождь прекратился внезапно, словно небожитель лил вино и остановился на половине чаши. Дождь хоть и прекратился, но тучи давили на свет, и небо всё ещё оставалось мрачным и тяжёлым. И как раз в этот момент к воротам двора торопливо подбежал человек: на голове - бамбуковая шляпа, на плечах - дождевик из травы, юбка наполовину промокла и вся была в грязной воде, но пришедшая уже не обращала внимания на такие мелочи. Она стучала в дверь и на бегу звала:

— Брат Лэ, брат Лэ, ты дома?

Чжоу Сяолэ поспешно пошёл открывать. Глянул и увидел, что это Цинь Сань-нян. Лицо у неё было тревожное; едва увидев Чжоу Сяолэ, она сразу потянула его за собой и быстро, почти без передышки, заговорила:

— Беда! Семья твоего старшего дяди сейчас в родовом храме и требует, чтобы староста утвердил твой брак с Сюй Гуанем. Если Сюй Гуань не захочет тебя взять, то по родовым правилам человека, не сохранившего честь, вычеркнут из рода и выгонят из деревни Цяньлю!

Чжоу Сяолэ никак не мог понять, как это связано: почему, если Сюй Гуань не хочет его брать, именно его должны выгнать из деревни? Что это за логика?

— Подождите, тётушка Сань-нян, сначала не спешите, — Чжоу Сяолэ поспешно удержал Цинь Сань-нян и быстро взглянул в сторону дома.

Увидев, что в комнате Чжоу Цинцин нет движения, он закрыл ворота двора и только потом пошёл вместе с Цинь Сань-нян.

— Сначала расскажите мне всё с начала до конца. Иначе я внезапно приду в родовой храм и даже не буду понимать, к чему готовиться.

Цинь Сань-нян, увидев, что Чжоу Сяолэ не паникует, немного успокоилась. Она вздохнула и сказала:

— Та крольчатина, которую ты принёс несколько дней назад, ведь была от Сюй Гуаня?

Чжоу Сяолэ вспомнил, как несколько дней назад утром встретил Сюй Гуаня на охоте и как им случайно попался тот кролик. Сюй Гуань настоял, чтобы отдать ему половину. Чжоу Сяолэ боялся, что если Сюй Гуань понесёт кролика к нему домой, снова пойдут пересуды, и специально велел ему тем вечером отдать крольчатину у бамбуковой рощи.

Неужели кто-то увидел?

— Кто-то видел, как ты с Сюй Гуанем в бамбуковой роще... — Цинь Сань-нян осторожно подбирала слова. — Тайно встречался...

Сказав это, она быстро взглянула на Чжоу Сяолэ. Увидев, что выражение у него открытое и спокойное, без всякой странности, она невольно вздохнула с облегчением.

Цинь Сань-нян продолжила:

— Потом пошли слухи, будто вы с Сюй Гуанем уже давно тайно обещали себя друг другу. А тут ещё то падение в воду... Раз такая слава разнеслась, если Сюй Гуань не захочет жениться на

тебе, то по родовым правилам тебя вычеркнут из рода и выгонят из деревни.

— Ты один маленький гэр, да ещё с болезненной старшей сестрой. Если вас правда выгонят из деревни, как вам жить? Твоя бессовестная старшая тётка ну почему так не может видеть, что вам становится лучше? Вы с сестрой чем ей дорогу перешли?!□□

Цинь Сань-нян говорила и плакала, вспоминая свою добрую подругу, уже ушедшую на небеса; несколько раз голос у неё срывался. Жизнь ведь только-только начала становиться хоть немного легче, так почему снова случилась такая беда?

Когда Чжоу Сяолэ добрался до родового храма, дождь снова усилился. Он поспешно вместе с Цинь Сань-нян вбежал внутрь и увидел: в храме собралось немало людей. Одни стояли, другие сидели на корточках или прямо на местах, образовав круг, и только Сюй Гуань стоял посередине.

Когда Сюй Гуань увидел появившегося Чжоу Сяолэ, его глаза слегка расширились, будто он удивился, почему тот пришёл. Чжоу Сяолэ показалось, что этот взгляд был немного странным, но Сюй Гуань быстро снова принял свой обычный осторожный и сдержанный вид. Чжоу Сяолэ не стал об этом думать. Он обвёл взглядом всех присутствующих. В памяти прежнего владельца тела людей, которые хорошо к нему относились, было мало, а тех, кто его обижал, немало; большинство лиц расплывались.

Самым отчётливым было лицо старшей тётки Ван Гуйчжэнь, стоявшей прямо перед Чжоу Сяолэ.

Увидев Чжоу Сяолэ, Ван Гуйчжэнь на мгновение растерялась, бросила взгляд в сторону своего мужа, Чжоу Дэжуна, и снова успокоилась.

Она нахмурилась и крикнула Чжоу Сяолэ:

— И у тебя ещё хватает наглости являться в родовой храм? Кто велел тебе прийти?

— Это я велел Цинь Сань-нян позвать Лэ-гэра, — староста посмотрел на Ван Гуйчжэнь. — Раз уж речь идёт о браке Лэ-гэра, как можно решать без него?

Ван Гуйчжэнь сказала:

— Я старшая тётка Чжоу Сяолэ. Мой второй деверь и его жена рано ушли. О браке всегда говорят: воля родителей и слово свахи. Разве можно позволить Лэ-гэра самому решать? Если такое разнесётся, разве над нами не станут смеяться?

Услышав это, собравшиеся один за другим зашумели в знак согласия. Если все браки начнут решать сами молодые, разве не наступит полный беспорядок?

Гомон становился всё громче. Староста поднял руку и сделал успокаивающий жест.

— Не шумите! Родители Лэ-гэра ушли рано. Раньше он был слабоумным, а теперь разум прояснился. Случай особый, его нужно рассматривать отдельно. К тому же Сюй Гуань только недавно поселился в нашей деревне, и ещё неизвестно, правда ли он с Лэ-гэром тайно дал обещание. Если это недоразумение, а мы всё разнесём наружу, что будет с добрым именем нашей деревни?

Неизвестно кто в толпе сказал:

— А у нашей деревни сейчас ещё осталась репутация? Стоит людям из другой деревни услышать, что гэр для брака из нашей деревни, как один за другим только и спрашивают, что там случилось с Лэ-гэром. А когда доходит до самой помолвки, все говорят: «ещё посмотрим».

— Вот именно! У моего гэра из-за этого дела сватовство уже несколько раз откладывали! — второй заговорившей оказалась тётка Чжан.

Первого человека Чжоу Сяолэ не знал, а вот вторую узнал. Неудивительно, что тётка Чжан так на него злилась и раз за разом искала повода прицепиться. Оказывается, тут была ещё и такая причина. Чжоу Сяолэ на миг даже лишился дара речи и наконец по-новому понял, насколько важна в эту эпоху репутация.

В этом времени дороги были неудобны, родовые правила строги, и имя одного человека влияло не только на него самого, но могло задеть всю деревню. Тем более если речь шла о репутации, связанной с целомудрием: она могла повлиять и на доброе имя других людей в деревне.

С момента перерождения и до этого дня Чжоу Сяолэ впервые по-настоящему отнёсся серьёзно к своему положению гэра. Раньше, как ему казалось, гэр всё равно был мужчиной, просто с дополнительной способностью рожать детей. Но он инстинктивно избегал мыслей о рождении детей, поэтому, даже переродившись гэром, не ощущал особой разницы.

А теперь Чжоу Сяолэ вынужден был признать: разница есть, и её нельзя не учитывать.

Староста увидел, что вокруг снова поднимается шум, и с силой дважды стукнул посохом, крикнув:

— Что за крики? Чего шумите?

К этому времени дождь постепенно стих. Как только староста заговорил, весь родовой храм затих.

Староста повернулся к Чжоу Сяолэ:

— Лэ-гэр, кто-то видел, как ты встречался с Сюй Гуанем в бамбуковой роще и принял от него половину кролика. Расскажи всем, что там было. Давали ли вы друг другу тайное обещание на всю жизнь или нет - люди выслушают и сами рассудят. Ты сначала объясни.

Чжоу Сяолэ подробно рассказал, как получил кролика, а закончив, посмотрел на лица собравшихся. Большинство, кажется, поверило, но оставалась и часть людей с выражением тех, кто просто пришёл поглазеть на представление. Такие, конечно, не поверили бы, что бы Чжоу Сяолэ ни сказал.

Выслушав его, староста повернулся к стоявшему рядом Сюй Гуаню и спросил:

— Сюй Гуань, Лэ-гэр говорит правду?

Сюй Гуань кивнул.

— Да.

В этот момент вдруг вышел один человек, указал на руку Чжоу Сяолэ и сказал:

— Лэ-гэр раньше никогда не ходил на охоту, как он мог поймать кролика? Кролик - такая хитрая тварь, как он вообще мог притвориться мёртвым?

Чжоу Сяолэ вытащил из памяти прежнего владельца тела личность этого человека: оказалось, это Чжоу Чжицай, живший на западной стороне деревни. С детства он первым задирали Чжоу Сяолэ. Прежний владелец тела был глуповат, и когда его обижали, он хоть и расстраивался, но не понимал, как сопротивляться. Чжоу Чжицай много раз давал ему то пощёчину, то пряник, и прежний Чжоу Сяолэ в своей смутной простоте даже не чувствовал, что что-то не так.

Но прежде чем Чжоу Сяолэ успел возразить, вышел ещё один человек и сказал:

— Кролики и правда любят притворяться мёртвыми. Ты сам кроликов не ловил, откуда знаешь, что это невозможно?

Едва он договорил, как Чжоу Дэжун тяжело ударил его трубкой по руке и прикрикнул:

— Тебя кто спрашивал? Домой!

Оказалось, это был второй сын Чжоу Дэжуна, Чжоу Юн. В памяти прежнего владельца тела второй сын семьи старшего дяди относился к нему не хорошо и не плохо; когда видел, как его отец с матерью обижают прежнего владельца тела, иногда тоже вставлял пару слов в защиту. Но самого Чжоу Юна в семье не слишком ценили, и, естественно, отец с матерью его не слушали, поэтому помочь он мог нечасто. И всё же в воспоминаниях прежнего владельца тела

его лицо оставалось довольно отчётливым.

Чжоу Юн сжал губы, с тревогой посмотрел на Чжоу Сяолэ и больше ничего не сказал. Но и домой, как велел отец, не ушёл: лишь отступил на несколько шагов, присел на корточки и продолжил смотреть.

Чжоу Сяолэ не ожидал, что Чжоу Юн выступит за него. В душе он подумал: среди кур, заболевших чумой, неожиданно снеслось хорошее яйцо. Уже неплохо.

Однако одни люди верили, а другим было всё равно, правда это или нет. Ван Гуйчжэнь вовсе не интересовалась тем, что сказал Чжоу Сяолэ. Она упёрла руки в бока, подняла руку, ткнула пальцем в Чжоу Сяолэ и крикнула собравшимся:

— Лэ-гэр вырос у меня на глазах, и я лучше всех знаю, ходил он когда-нибудь на охоту или нет! Всё, что он сейчас говорит, наверняка потому, что Сюй Гуань его обманул: дал половину кролика и заставил Лэ-гэра говорить за него. Обесчестил нашего Лэ-гэра, а отвечать не хочет!

Говоря это, она залилась слезами; тот, кто не знал всей правды, мог и правда подумать, что эта старшая тётка от всего сердца заботится о Чжоу Сяолэ.

Увидев, что часть людей встала на её сторону, Ван Гуйчжэнь набралась уверенности, несколько раз ударила кулаком по бедру и запричитала:

— Бедный мой племянник! Его обманывают, а он и сам не понимает. Я пришла за него решить дело, а он ещё и не ценит! Всё-таки я, старшая тётка, для него не родная мать, между нами всё равно есть преграда...

— Верно, может, его и правда обманули. Эти пришлые люди неизвестно откуда являются, видят, что Лэ-гэр глуповатый, и дурные мысли заводят...

— А я раньше ещё слышала, что в тот день Лэ-гэр упал в воду вовсе не случайно. Это тот пришлый выманил его на Мацяньпо, неизвестно что там сделал, вот он и сорвался в воду. Иначе с чего бы ему быть укрытым верхней одеждой этого пришлого?

— Вот-вот, я тоже такое слышала! Раз уж слухи пошли, значит, кто-то наверняка видел. Кто бы подумал: с виду этот пришлый такой приличный человек, а на деле вот какой. Тьфу!